

Юлий Айхенвальд

Майков

Силуэты русских писателей

Юлий Айхенвальд

Майков

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Майков / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1914 — (Силуэты русских писателей)

«В представлении русского читателя имена Фета, Майкова и Полонского обыкновенно сливаются в одну поэтическую триаду. И сами участники ее сознавали свое внутреннее родство...»

Юлий Исаевич Айхенвальд Майков

В представлении русского читателя имена Фета, Майкова и Полонского обыкновенно сливаются в одну поэтическую триаду. И сами участники ее сознавали свое внутреннее родство.

Друг друга мы тотчас признали
Почти на первых же порах, —

говорит Майков в стихотворении, посвященном юбилею Полонского, и там же рассказывает он:

Тому уж больше чем полвека,
На разных русских широтах,
Три мальчика, в своих мечтах
За высший жребий человека
Считая чудный дар стихов,
Им предались невозвратно...
Им рано старых мастеров,
Поэтов Греции и Рима,
Далось почуять красоты;
Бывало, нежный луч Авроры
Раскрытых книг осветит горы,
Румяня ветхие листы, —
Они сидят, ловя намеки,
И их восторг растет, растет
По мере той, как труд идет
И сквозь разобранные строки
Чудесный образ восстает.

Из этого художественного созвездия, загоревшегося на небе русской литературы, старые мастера, поэты Греции и Рима, наиболее глубокое и длительное влияние оказали именно на Майкова. Он меньше других отрешился от подражания образцам; оттого и можно сказать, что его поэзия, в своем начальном и лучшем периоде, не самостоятельна и светит лишь отраженным светом. Не родное, а чужое было первым словом его; не под солнцем, а в холодном блеске луны развернулся его поэтический цветок. Но с этим, конечно, мы охотно примирились бы ради тех вечных сторон, которые есть в классицизме и которые так желательны у всякого, даже и нам современного, поэта – если бы поклонение античной культуре и красоте было у него более непосредственно, если бы их изучение претворилось у Майкова в нечто близкое и органически родное, сделалось его второй природой. Тогда он был бы заблудившийся в нашей эпохе грек или римлянин, и мы, иные люди, с удивлением окружили бы этого последнего язычника, и, с древней лирой в руке, он опять запел бы нам давно умолкнувшие песни старого мира. И был бы так интересен и дорог этот одинокий человек без современников, отставший от исторического движения, заброшенный на внутреннюю чужбину, как Овидий среди сармат. Но как раз этого и нет. Майков не перевоплотил себя в языческую стихию, не сжился безраздельно с ее духом. Прежде всего, он не грек, а римлянин. Он подражает подражателю. Рим уже и сам грелся на солнце эллинской красоты, и свет его собственной поэзии был уже заим-

ствованный. Один из участников поэтического «тройственного союза», Фет, думал даже, что Рим «прокляли музы»:

Напрасно лепетал ты эллинские звуки:
Ты смысла тайного речей не разгадал.

Далее, Майков классическую душу только узнал, вычитал из книг, с их ветхих листов; перед антиками стоял он больше с думой, чем без дум; языческие мотивы не зародились в нем самопроизвольно, в знаменательном совпадении с психологией угасшей эпохи. Он был знаток древности; его дар, как он сам выражается, «креп в огне науки» (хотя его знания, достаточные для искусства, были бы неудовлетворительны именно для последней). На его поэзии лежит печать книги, потому что поэзия его не так сильна, чтобы она могла книгу преодолеть и заглушить. Наконец, к великому соблазну тех слушателей, которые собрались вокруг этого живого пережитка античной старины, он в своей песне обнаружил много теперешнего, нашего, и явно почуялось в ней нечто мелкое, оглядочное, слишком современное; в ней раздалась те самые звуки, от которых мы и сами-то хотели бы освободить себя и которые особенно болезненно поражают нас в язычнике, посулившем было свежесть и наивность. Если он выдает себя за эллина, упоенного красотой, то почему же, двадцати лет от роду, пишет он благоразумное стихотворение «Жизнь», где степенно предостерегает юношу от красоты, от любви, от бурного счастья? Если он – носитель того духа, который в любовном общении с природой был исполнен ликования и священной радости, то почему же он часто бывает сух, и жёсток, и бестрепетен? А главное, почему он не имеет духовной свободы, внутренне связан и проникнут моралью? Что-то ему мешает, что-то его останавливает. Ведь когда он говорит о чем-нибудь имморальном, о какой-нибудь любовной шалости, вы чувствуете в этом не искреннюю беспечность вольного сердца, бьющего ключом непосредственного счастья и страсти, а только снисхождение, которое он сам себе оказал, позволение, временный отпуск, разрешенный ему его строгой душой. И когда он сообщает нам, что при виде улыбки на устах девы скромной он сам не свой и —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.